
Александр Гальпер

Побег из зимы

Рассказ

Бруклин

Той зимой замело Нью-Йорк серьезно. Метровые сугробы. Собес направил меня по бруклинским хосписам с проверкой, как расходуются городские деньги. Я интервьюировал пациентов о качестве обедов и ужинов и вечерней развлекательной программы. Как будто это имело большое значение! Каждый месяц список моих клиентов обновлялся за счет естественной убыли процентов на двадцать. Еще вчера с ним играл в шахматы или она показывала мне фотографии внуков, и вот и всё.

Нью-Йорк не был готов к такой суровой зиме, и подходы к хосписам полностью замело. Однажды вечером я поскользнулся на обледеневших ступеньках, покатился вниз и упал в сугроб. Я лежал там минут десять и даже не предпринимал никаких попыток выбраться. Я смотрел на луну и думал о полной бессмысленности и никчемности своего существования. Подумать только. Я мог погибнуть, выходя из хосписа. Отсюда и так выходят только вперед ногами! А я как бы это подчеркнул еще! Какой абсурдный конец! Я лежал в снегу и представлял себе крохотный солнечный остров Мауи, затерянный в Тихом океане, где живет мой друг детства Паша Караимов, окруженный красивыми молодыми женщинами, где не бывает холодов, все счастливы и никто никогда не умирает.

Паша был уникальной личностью. Окончил театральное училище. Красив как бог, умен. Такие в романтических фильмах играют главные роли. Какую женщину он бы ни желал, все падали в его объятия. Если он устраивался на работу продавцом, то у него, как пирожки, улетали стотысячные мерседесы или двухсоттысячные картины с его пятипроцентными комиссионными. Паша мог бы запросто стать миллионером. Но если бы бог дал Паше все, то у бога была бы серьезная конкуренция. Проблема Караимова заключалась в том, что он был неисправимым алкоголиком и наркоманом. Не было на свете гадости, которую бы Паша не попробовал. Сколько бы денег он ни зарабатывал, он все на следующий день пропивал или проноховывал. Своих самых замечательных красавиц он терял еще быстрее, чем добивался. Изменял с их подругами и сестрами или, когда входил в запой, вообще забывал, что они существуют. Но это еще цветочки. Он не чтит самого святого. Уголовный Кодекс. Однажды он

Александр Гальпер — прозаик, поэт. Родился в Киеве в 1971 году и в возрасте 18 лет эмигрировал с родителями в Америку. Окончил литературный факультет Бруклин-колледжа. Книги стихов и прозы выходили в России, США, Германии и Швеции. Финалист премии «Нонконформизм». Пятнадцать лет работает в Нью-Йорке социальным работником.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 9.

плюнул полицейскому в лицо, когда тот в метро хотел забрать его бутылку водки. Получил за этот подвиг полгода тюрьмы. Еле его отбили от депортации. В общем, Караимов был сложным человеком, и я после того, как в очередной раз попал из-за него в полицию, дал себе слово не иметь с ним никаких дел. Когда Караимов вышел, то решил, что с него хватит этого диктаторского Нью-Йорка и отправился покорять мир. Все его друзья вздохнули с облегчением.

Я уже третий месяц жил с Кассандрой, со своей начальницей отдела в собесе. Ее привезли в возрасте шести лет с Гаити и она окончила Гарвард, факультет «Французский язык и литература». Я, конечно, понимаю, что я поэт и люблю всех женщин мира, но надо было думать головой, а не членом, когда делаешь комплименты начальнику своего отдела. Я это делал, конечно, не для секса, а чтобы укрепиться на работе. Вот и укрепился. Намертво. Когда я с Кассандрой заговорил о Стендале, она в меня влюбилась. Кассандра думала, что она в Нью-Йорке единственная, кто читал «Красное и Чёрное». Но это были еще цветочки. После первого секса выяснилось: несмотря на то, что ей было тридцать два, она была девственницей, и я стал ее первым мужчиной. Для меня, оказывается, она себя хранила всю жизнь. Ее отец был известный католический-вуду священник, и она не собиралась разменивать свои чувства на недостойных. Когда я осознал свое первопроходство, то понял, что влип серьезно. Нельзя было сбежать, исчезнуть, перестать отвечать на звонки. Мы сидели рядом на работе. Она подписывала мне зарплатные ведомости и премиальные. Это была судьба! Можно было только уволиться и вернуться таксовать в ночные смены. Этого тоже не очень хотелось. Тупик! При мысли о том, что Кассандра может в любую секунду от меня забеременеть, меня начинала бить дрожь.

О Пашиных приключениях можно было прочитать в газетах. В штате Джорджия он в частном заповеднике ухаживал за дикими животными. Его уволили после того, как пьяным он забыл закрыть клетку, и львы разбрелись по всей округе. Он уснул у входа в клетку, но его хищники не тронули. Только облизали любимого уборщика со всех сторон. Львицы тоже его любили. В ту ночь во всем штате Джорджия хорошо спал лишь он один. В Сиэтле он продавал русских авангардных художников, и у него покупали, но потом выяснилось, что таких художников никогда не было и не было даже понятно, кто картины нарисовал. Возможно, сам Паша. В Лас-Вегасе он продавал кокаин китайским гомосексуалистам. В Сан-Франциско читал стихи и пел в хеви-метал группе. Отовсюду он мне звонил и приглашал к секбе погостить. Я категорически отказывался. Я еще с ума не сошел. Отовсюду он ночью бежал без копейки денег, чтобы сохранить жизнь или свободу, или здоровье. Конечно, моя жизнь была тоскливой по сравнению с его, но, во всяком случае, меня никто не хотел убить или посадить. У меня была крыша над головой, и я знал, когда в следующий раз покушаю. Возможно, я был слишком параноидальным. За что я, собственно, так держался?

Дополнительно к работе в собесе Кассандра сдала экзамен на банковского нотариуса, и я ее возил после работы по бизнесам и квартирам. Она заполняла за хорошие деньги документы на банковские кредиты и ипотеку. По вечерам в постели она доставала учебник по иудаизму, а мне всовывала огромную и страшную книгу «Как сдать экзамен на банковского нотариуса» и заставляла ее изучать. Когда я отказывался читать эту финансовую абракадабру, она возмущалась, рыдая: «Я ради тебя готова принять иудаизм и стать настоящей еврейкой, а ты даже не готов пойти на такую мелочь, как стать банковским нотариусом? Чем мы будем кормить наших детей? Твоими стихами?» Сама она с неистовством прилежного раввина изучала книги по иудаизму. Зная ее упорство, я понимал, что иудаизму не устоять. После того как она

станет еврейкой, она может со спокойной совестью знакомиться с моей мамой. Это было единственное, что стояло между нашей свадьбой, с ее точки зрения. Я осознавал, что после того, как она примет иудаизм или забеременеет, моя жизнь кончится. Я лежал ночью в постели с открытыми глазами и думал. Что я делаю в этой постели? Кто я? Русский? Американец? Еврей? Чернокожий гаитянец? Я безнадежно запутался.

Паша прилетел на Мауи, самый красивый из Гавайских островов, рано утром. Денег у него никогда с собой не было. Он искупался в теплой водичке, зашел на пляже в телефонную будку и стал листать местный справочник. Нашел телефон приюта для людей с домашними животными, которым негде было жить. Ни кошки, ни собаки, ни даже мышки у Караимова не было. Он вышел из будки и закурил. Тут он увидел ползущую черепаху. Вот оно, животное!!! Он за ней погнался, но черепаха проворно прыгнула в океан и уплыла. Паша вышел на берег расстроенный. Черт возьми. Удрала. Он стал листать справочник дальше. Католический реабилитационный центр для бывших алкоголиков. Паша вырвал листок с адресом и вышел из будки.

Мое падение по ступенькам в сугроб увидел из окна своей комнаты один из моих клиентов. Он собрал других пациентов хосписа (тех, что могли ходить), и меня занесли внутрь. Подумать только. Меня, молодого и здорового, спасают люди, которые уже одной ногой на том свете. Хорошо еще, что меховая шапка смягчила удар по голове. А то я бы встретился с ангелами гораздо раньше моих клиентов. Как низко я пал! Что пошло не так в жизни моей?

Паше с его харизмой и артистизмом не составляло труда убедить директора католического центра — отца О'Нила — в том, что он бросил пить и ему нужна помощь. Ему немедленно дали одну из самых лучших комнат с видом на океан. Через месяц Караимов уже был ассистентом преподобного отца. Его любили как брата все бывшие католические и не очень католические алкоголики. У него появилась в городе гавайская аборигенка-герлфренд. Казалось бы, вот оно, счастье! Бесплатное жилье с видом на океан, питание. Есть знойная женщина. Наслаждайся жизнью. Но Паша впал в депрессию. Ему не хватало русских и русских стихов. В его голове созрел план. Паша рассказал отцу О'Нилу, что у него в Нью-Йорке есть друг-поэт в последней стадии алкоголизма, и их долг перед человечеством — спасти этого гения от бесславной смерти. О'Нил мне лично позвонил и пообещал бесплатное питание и комнату с видом на океан и вулкан еще лучше, чем у Паши. Меня в аэропорту будет ждать их автобус с цитатами из Пушкина на русском. Я положил трубку. Все звучало, конечно, очень хорошо, но Паша, Паша, Паша!!! Сколько раз он втягивал меня в какие-то передраги, сколько раз я попадал в неприятности из-за него и клялся, что никогда в жизни с Пашей иметь дело не буду. Я погуглил в интернете преподобного отца О'Нила. Бывший американский десантник, ныне теолог и доктор богословия. Известен работами о том, как добрыми молитвами и духом Иисуса из Назарета можно спасти грешников от адских щупалец алкоголизма и наркомании. Даже сам Папа Римский где-то о нем что-то хорошее сказал. Отец О'Нил, конечно, был серьезным человеком. Но не Паша! Проблема в том, что Паша не бывший алкоголик. А вполне настоящий и на высшем пике активности. А может, райский климат и беседы о боге изменили Пашу? Может, я слишком строг к своему старому преданному другу, который обо мне так заботится?

Больше всех моим падением огорчилась Кассандра. Она все время плакала. Слава богу, все обошлось ушибами и ссадинами. Тяжелая зимняя одежда смягчила удары. В больнице Кассандра быстро всех построила. Ко мне подходили только

лучшие русскоязычные врачи. Дома окружила меня любовью и заботой. Не позволяла ничего делать. Но самое главное, она выбила мне от города «производственную травму». Это означало месяц полной зарплаты и на работе появляться не надо. Хотя государственная работа и мало оплачивается, но полная зарплата немного облегчала страдания и давала возможность строить планы.

В понедельник утром Кассандра поцеловала меня в забинтованную голову, положила нотариальный учебник возле кровати и сказала перед уходом на работу:

— Ну, слава богу, у тебя теперь будет, наконец, время подготовиться к этому тесту. Соберись! Я отменила все визиты. Вечером у меня для тебя важное объявление.

Дверь захлопнулась. Какое, к черту, важное объявление? Она беременна тройней? Она уже сдала тест в синагоге и теперь считается не чернокожей католической-вуду гаитянской, а чистокровной настоящей еврейкой? Считается кем? Мной? Моей мамой? Богом? Раввином той синагоги, которой она пожертвует деньги? А раввин другой синагоги через дорогу не будет считать! Меня охватила паника. Бежать! Бежать, пока не поздно! Сегодня, может, последний шанс. Хоть на край света. Что угодно, только не это! Я схватил телефон:

— Паша! Спасай! Я сегодня вылетаю.

— Ну, наконец-то решился. Слава богу! Жду!

Я положил трубку. Одного Пашу предупредить недостаточно. Надо не забывать, что имеешь дело со знаменитым Караимовым. Я взял телефон опять:

— Отец О'Нил! Я созрел, чтобы наконец-то бросить эту водку. Алкоголь никогда ни до чего хорошего никогда не доведет. Вот недавно упал под градусом. Если бы не моя меховая русская шапка, мог погибнуть. Надо бросать. Автобус с цитатами из Пушкина на русском совсем не обязательно. Та комната с видами на вулкан и океан еще есть? Да, сегодня вылетаю. Увидимся через пару дней.

Я быстро сложил чемодан. Тот чемодан, с которым я заехал к Кассандре три месяца назад. Вышел в интернет и взял билет. Прямых на Мауи не было, а даже и не прямые были на сегодня в три раза дороже. Но кто уже смотрел на цены? Потерявши голову, о волосах не плачут. Промедление было смерти подобно. Кассандра могла взять полдня выходных, чтобы побыть с больным женихом. Я вызвал такси и вышел из дому.

Квинс, Аэропорт имени Кеннеди (Нью-Йорк)

Очередь на регистрацию рейса Нью-Йорк — Чикаго растянулась на весь терминал. Ну почему эти люди так медленно двигаются? Я стоял и оглядывался по сторонам. Если сейчас сюда явится Кассандра, устроит скандал и заберет домой, будут ли силы сказать ей, что я не поеду? Не уверен. Чувствую себя опустошенным. Кассандра, наверное, сейчас еще на работе. Или стережет меня под маминой квартирой? Сотовый на всякий случай отключил.

Как же это все началось? Как-то я и Кассандра задержались в офисе до позднего вечера. Я из вежливости предложил подвезти ее домой. Конечно, по всем городским инструкциям начальница должна была отказаться, но неожиданно согласилась. Потом я так, для проформы, предложил перекусить в итальянском кафе. Не возражала. Выпили там по бокалу вина. Потом я подвез Кассандру к ее дому. Мы сидели в машине и болтали о Стендале. Я увидел, как она открыла свою сумочку и начала в ней копаться. Она достала газовый баллончик, я перепугался. Неужели она могла подумать, что я сейчас начну ее насиловать? Она бросила баллончик назад. Не то! Достала Библию и начала читать молитву на креольском. Я смотрел как загипнотизированный и ничего не мог понять. Она закрыла Библию, бросила ее в сумку, притянула меня за шкирку и страстно поцеловала в губы.

Пройдя таможенную, я вздохнул с некоторым облегчением. Сюда она, конечно, не пройдет. Но она, конечно, такая, что не пожалеет тыщи долларов, чтобы купить билет и со мной здесь разобраться. Ну, все равно немного можно расслабиться. Я купил в баре виски со льдом. Почему жизнь такая сложная штука? Я позвонил Паше и О'Нилу опять. Все было нормально. Меня ждут! Тут я понял, что в спешке забыл взять зарядку для телефона. Через несколько часов он умрет!

Когда-то я присутствовал в картинной галерее, где Паша работал продавцом. Зашла японская миллионерша. Караимов стал ей говорить, как на этой картине видно архангела Михаила, если посмотреть слева, а справа видно дьявола, а если снизу лечь, то видно самого господа бога. Паша лег на пол и стал говорить, что сейчас видит Его Самого. Миллионерша легла рядом с ним посреди людного зала. Кончилась тем, что она купила эту картину за восемьдесят тысяч долларов, и эту ночь Паша провел у нее. Через три дня пьяный Паша разбил ее стотысячный корвет и сбежал на месяц (позволил себя украсть) в Пуэрто-Рико с богатой пуэрториканкой, подружкой японки.

Когда самолет поднялся в воздух, я вздохнул с облегчением. Прощай, Нью-Йорк. Прощай, зима! Что бы там ни было дальше, эта страница моей жизни перевернута. Может, конечно, сейчас выяснится, что плохая погода или поломка. Или Кассандра заявила, что я террорист, и самолет вернут, а может, все обойдется, и следующая серия моего фильма обо мне будет снята в моей голове. Я уже другой человек! Теперь, даже если Кассандра появится, я буду сильнее. Я скажу ей, что я думаю. Я скажу ей, что я ее не люблю.

Международный аэропорт О'Хара (Чикаго)

Чикаго встретил снегами еще большими, чем в Нью-Йорке. До следующего рейса Чикаго — Сан Франциско было восемь часов. В Чикаго были и друзья, и знакомые, но как до них добраться через весь этот снег? Впрочем, и видеть никого не хотелось. Что им сказать? Кто я? Куда я направляюсь? Зачем? Я попробовал уснуть в зале ожидания. Не получилось. Я лег на пол. Пришел полицейский и поднял. Я позвонил О'Нилу и Паше и сказал еще раз точное время моего прибытия. Они велели ни о чем не волноваться и благополучно долететь. Телефон безнадежно и окончательно умер. Теперь он оживет только на Мауи. Теперь он оживет только в Раю. Так же, как и я! Позвали на посадку. На регистрации провели мой паспорт через компьютер. Что-то завизжало. Подбежали менты и утянули в кабинет:

— Ваша невеста подала заявление о вашей пропаже.

— Да ничего я не пропал.

— Она предполагает, что вы были похищены русской мафией.

— Что за бред? Ничего я не пропал. Все в порядке. Я ничего незаконного не делал.

Я опоздаю на свой рейс! Можно идти?

— Вы не хотите позвонить вашей невесте и сообщить, что с вами все в порядке?

— Нет.

— По закону мы должны ей об этом сообщить. Что с вами все в порядке, вас никто не похищал и вы едете по собственной воле.

— Говорите, что хотите.

— Извините, пожалуйста. Мы должны были вас об этом спросить. Вы свободны и можете дальше проследовать на свой рейс.

Последний мост был сожжен.

Международный аэропорт Сан-Франциско (Калифорния)

Северная Калифорния встретила полным отсутствием снега и прохладным ветерком. Это, конечно, еще было не лето, но уже не зима. Не знаю, что будет дальше, но уже тепло. Теплый воздух внушал оптимизм. Что будет дальше? Что будет, когда закончатся деньги? Что будет с моей жизнью, которая дается один раз?

День рождения Самуэля — отца Кассандры. Он известный священник и видный общественный активист. Большой дом в глубине бруклинского района Флэтбуш. Человек пятьдесят гостей. Члены горсовета и сената штата Нью-Йорк. Мы сидели за столом, покончив с курицей с бананом, и попивали ром. В столовой фотография Самуэля с мэром Нью-Йорка. Вокруг в основном говорят на креольском. Самуэль заводит меня в кабинет. Он хочет со мной поговорить один на один:

— Алекс! Ты хороший парень. Моя дочка тебя очень любит. Я вижу, почему.

— Спасибо. Кассандра замечательная!

— Я боялся, что она никогда себе никого не найдет. Она такая серьезная с детства была. Как тебе этот ром?

— Очень приятный!

— Ты знаком с Флэтбуш хорошо?

— Ну конечно. Я там работаю, хожу по собесовским делам. Я даже здесь окончил Бруклин-колледж.

— Ну, в общем, этнический состав тут интересный. Кассандрочка говорит, что ты готовишься сдать на финансового нотариуса.

— Да, пытаюсь. Тяжело идет.

— Вот сдашь — познакомлю тебя с гаитянскими бизнесменами. Я прослежу, чтобы все о тебе знали. Работы у тебя будет много. Познакомишься еще ближе с людьми. Ну а через пару лет после свадьбы будем тебя выдвигать в горсовет от нашего района. Афро-гаитянский-еврейско-русский Флэтбуш. Кто, если не ты? За тебя будут голосовать все! А потом можно и о сенате всего штата подумать. Только это будет, когда вы мне подарите первого внука.

— Ну что вы? Я никогда не думал о политике, мистер Самуэль.

— Вот в этом твой плюс! И не называй меня «мистер Самуэль». Называй меня просто «папа».

Кончилась моя политическая карьера, даже не начавшись. Может, вернуться в Нью-Йорк, повалиться Кассандре в ноги и просить прощения? Я уже начал к ней привыкать. Кажется, мне ее уже будет не хватать.

Международной Аэропорт Лос-Анджелеса (Калифорния)

Здесь было еще теплее. Цвели пальмы. Я уже не спал трое суток. Все плывет перед глазами. Рейсы по Америке короткие, два-три часа. Между рейсами тоже не поспишь — можно проспять свой самолет. Да и неудобно. Телефон мертв. Можно пойти, конечно, поискать зарядку. Ну, на Мауи я уже звонил сто раз. Зачем людей тревожить? О'Нил человек в высшей степени надежный.

Когда подлетали к Лос-Анджелесу, увидел яхты. За последние двадцать лет я только один раз катался на яхте. Это было как раз на Пашиной «Че Гевара».

Пашу взяли работать в подозрительную благотворительную организацию «Морской воздух — детям!» Его посылали к миллионерам уговаривать пожертвовать

организации свои яхты. Паша проникновенно и артистично рассказывал богачам, как бедные дети задыхаются в пыльных городских трущобах, как они получают астму и как их благородная организация устраивает этим детишкам регулярные прогулки на яхтах. Миллионеры, и особенно их жены, начинали рыдать и отдавали свои яхты бесплатно или за символическую цену. (Часто это сопровождалось еще и любовными приключениями с их женами.)

Паша с хозяином организации выходили в море, перекрашивали яхту, меняли документы и быстренько ее продавали в целости или на запчасти. Бедные дети бетонных джунглей продолжали успешно дышать угарными газами.

Но потом хозяин вообще обнаглел и стал давать рекламу своей организации на радио и телевидении. К ним в офис нагрянула проверка, и всех арестовали. Я там работал только первый день водителем. Называется, Паша за меня замолвил словечко! Продержали сутки в отделении, разобрались и отпустили. Что было бы, если бы я там проработал неделю? Месяц? А Паша в тот момент уже неделю как был в запое и не выходил на работу. Излишне говорить, что ни в каких документах он тоже не числился. Вот что значит, человек родился счастливым. В результате все схлопотали хорошие сроки, кроме Паши. Караимов же получил небольшую яхту, которую он скромно назвал «Че Гевара». Ни одна интеллигентная и прогрессивная девушка в Нью-Йорке не могла отказаться покататься на такой лодке.

Международный Аэропорт Гонолулу (Гавайские острова)

Здесь было жарко. Когда самолет через три дня в три утра приземлился в Гонолулу, я был уже зомби от недосыпания или, скорее, бессонницы. Я наконец-то сделал какой-то шаг к изменению моей жизни, а не просто ныл. Паша меня меняет как человека. Поскорей бы добраться. Где мой автобус с Пушкиным? Где моя комната с видом на океан? Завалюсь сейчас спать на дня три!!! Может, взять гостиницу возле аэропорта в Гонолулу и хорошо отоспаться? Мауи никуда не убежит. Ну а как же встречающие? Так их подвести. Особенно божьего человека О'Нила. Они готовились, ждали. Ладно, помучаюсь. Не умру!

Между островами здесь курсировали даже не самолеты, а, скорее, воздушные такси. Легкие и маленькие допотопные кукурузники. Через дырки в полу виден океан. Полет всего двадцать пять минут. Какая-то романтичность есть в этих крохотных островах, затерянных в океане. Скоро я уже увижу Пашу. Не видел его целых два года.

Капалу Аэропорт (Мауи, Западная Полинезия)

Три часа утра. Сарай здания аэропорта закрыт до восьми утра. Нас сгрузили с воздушного такси-кукурузника. Всех пассажиров разобрали встречающие на машинах. Пилот закричал, что наши чемоданы задержались в Гонолулу и он их привезет завтра. Самолет взял новых пассажиров и улетел. Аэропортовые огни погасли. Следующий рейс будет только завтра днем. Я остался один на взлетном поле. Никого и ничего больше нет в районе километра. Что-то точно случилось. Нет ни Паши, ни О'Нила, ни автобуса с Пушкиным. Самолет прибыл точно по расписанию в тот аэропорт, что я им сказал. Я застыл в зимнем пальто и меховой шапке один на темном огромном поле возле закрытого тропического аэропорта. Совсем один. На крохотном острове, затерянном посреди Тихого Океана. На планете Земля. Где-то вдалеке пыхтел вулкан.

Непонятно, что делать. Я снял пальто и засунул ушанку в рукав. Это была типичная моя ситуация. Оказаться непонятно где и непонятно зачем. Ну, сейчас уже думать было поздно. Надо было принимать реальность как есть. Можно было лечь спать прямо на лётном поле, чтобы прямо на меня утром приземлился самолет.

Я стянул свитер и засунул его в другой рукав пальто. Медленно пошел по ночной проселочной дороге. Светила луна, где-то вдалеке за десятки километров выбрасывал пепел злой вулкан Халеакала. Захотелось опять окунуться в свою память и что-то вспомнить, но усталый сонный мозг отказывался. Прошлого больше не было. Ноги еще шли автоматом, а голова уже не работала. Через минут сорок за горой прямо на трассе я увидел круглосуточный пункт аренды машин. Не все так плохо здесь. Не все так безнадежно! Из любой ситуации есть выход!

На счету оставалось \$500 после всех этих дорогих авиабилетов. За неделю аренды автомобиля взяли \$450. Следующая получка перейдет на мой счет через две недели. Как-то я совсем не ожидал, что на Мауи придется тратить свои деньги. Был уверен, что автобус будет встречать с «Я памятник себе воздвиг нерукотворный!». Машина поскакала по дорогам Мауи. Навигатор показывал дорогу к католическому центру. Он назывался «Да здравствует жизнь!». Оптимистично! Луна висела над дымящимися угольками вулкана Халеакала. Я давал себе пощечины за рулем, чтобы не заснуть.

Через полчаса я стал подъезжать к этой оптимистической радости. Где-то он должен был быть здесь среди береговой линии, океана и кокосовых деревьев. Вдруг кто-то выскочил на дорогу прямо перед машиной и упал. Я еле успел затормозить. Злой как черт, я бросился к лежащему. Узкоглазый чел был в дребадан пьяный и храпел. Иногда его лицо расплывалось в улыбке и он бормотал: «Паса-сан! Воска гуд!». Что-то мне это не нравилось. Паша! Я аккуратно обогнул китайца и поехал дальше. Через пятьдесят метров я увидел бродящих людей с факелами, поющих «Сшумел камыс». Сомнений не оставалось. Паша что-то натворил.

Я остановился у входа в лечебницу. Ощущение, что здесь происходили военные действия. Везде валялись пьяные или ползали бывшие алкоголики, которые явно были не бывшие. Пахло едким дымом. Я закричал: «Паша! Паша! Ты где? Отец О'Нил!! Это я, Алекс! Я приехал!»

Я увидел, как сквозь дым в темноте ко мне бежит фигурка, похожая на Караимова. Он заскочил в машину, захлопнул дверь и крикнул:

— Алоха, Саша! Уебуем отсюда немедленно!

— Паша! Ты не понимаешь. Я летел сюда четверо суток. Мне надо поспать. Где моя комната?

В этот момент я услышал выстрел. Пуля разбила водительское смотровое зеркало. Я увидел отца О'Нила, бегущего к машине с ружьем и целящемся уже в меня. Я дал газ и услышал, как О'Нил крикнул нам вслед:

— Вы все, русские, бандиты и мафия! Вы все обманщики! Что вы наделали, звери? Я вас найду на Мауи и задую собственными руками. Обоих!!! Вы отсюда живыми не выберетесь!

Мы гнали по ночной проселочной дороге:

— Паша! Что случилось?

— Ну, я купил ящик водки, чтобы отметить твой приезд. Ну, сам начал и обломал всех в лечебнице меня поддержать. Ты же знаешь, мне отказать невозможно.

— Ты сумасшедший! Ты же их всех спойл! Это же бывшие алкоголики! Им же ни грамма нельзя! Что ты наделал? Я сюда ехал в свою комнату, чтобы загорать на пляже и кушать фрукты бесплатно.

— Извини. Я не хотел! Так получилось. Я так рад, что ты приехал!

Ну вот что теперь делать? Плакала моя комната с видом на океан и вулкан. Я на этом острове только два часа, а меня уже бывший десантник с ружьем хочет убить. Великолепно! Очередной раз Паша втянул меня в авантюру. Если я выберусь с этого проклятого острова живым, я больше никаких дел с ним не имею. Все, точно никаких. Клянусь богом!

Побег из лета

Я проснулся в зарослях под пальмой. Ныла нога. Под глазом чернел фингал. Паша соблазнил какую-то местную аборигенную красавицу, и ее бойфренд с друзьями подкараулили нас и побили.

Вот уже месяц я жил с Пашей на Мауи. После того, как я сдал машину, мы ночевали на песке на пляже и питались в Макдональдсе. Мне перестали платить больничные, потому что я не пошел на переосвидетельствование к врачу в Нью-Йорке. Жить было не на что. Что дальше? Беспробудное пьянство? Паша еще спал, возле него перекачивалась пустая бутылка. Он даже побитым умудрился напиться? Я похромал вниз с горы в Макдональдс и открыл свой имейл. Письмо от Кассандры.

«Любимый!

Это письмо я пишу тебе по-русски. Ну, я, конечно, показала моей русскоязычной подруге, и она сделала исправления. Я начала изучать русский, когда ты так внезапно исчез, и я поняла, что я сделала что-то не то. Я говорила с твоей мамой и даже тетей Идой. Они мне сказали, что ты на Мауи в Южной Полинезии. Мы все очень за тебя переживаем. Мама спрашивает, хорошо ли ты там кушаешь и тепло ли одеваешься. А Ида Исааковна интересуется, к какой ветви иудаизма принадлежат аборигены. Не потерянное ли они колено Израилево? Еще я хожу в синагогу и готовлюсь к экзамену, чтобы стать полноценной еврейкой. Извини меня, пожалуйста. Ты мой первый мужчина, и я на тебя наложила большую ответственность. Я знаю, что могу быть как танк, и я обещаю исправиться.

Если ты не выйдешь на работу в этот понедельник, ты потеряешь эту государственную работу и никогда не сможешь получить другую. Даже я ничего не смогу для тебя сделать.

Я взяла тебе билет назад в Нью-Йорк из Мауи на эту субботу. Жду. Целую. Твоя жена в глазах божьих Кассандра. Буду встречать в аэропорту.

P.S. В Бруклине уже потеплело. Снег весь растаял. Скоро в нашем Бруклинском Ботаническом саду зацветут сакуры. Ты еще помнишь, как мы там гуляли? И еще мой папа, ты его помнишь? Вуду-священник! Он передает тебе привет!»

Я вышел из Макдональдса, зашел по колено в воду и задумался. В воде плескались разноцветные рыбки. Где-то вдалеке пыхтел живописный гогеновский вулкан. Что мне до этих красот? Вот уже месяц я здесь. Я предполагал, что там, в заснеженном Бруклине, в собесе и хосписах, был ад, а здесь, на Мауи, будет рай. А сейчас в этом экзотическом раю я живу на песке или в зарослях под пальмами, меня побили какие-то опереточные, но вполне реальные аборигены. А есть ли вообще он, этот рай? Какое здесь на Мауи будущее? Беспробудный алкоголизм с Пашей? Когда я в последний раз мылся с мылом и спал на человеческой кровати с простынью? Да я и сам стал стопроцентным бомжом!

Рейс будет через два часа. Успеваю. Я вышел из воды и подошел к таксисту, протянул ему двадцать долларов, что мне Паша дал на виски, и сказал: «Аэропорт Кахулуи».